

Мишанов Виталий

СОВРЕМЕННАЯ
ЭРОТИЧЕСКАЯ
ПОЭЗИЯ

Мишанов Виталий

2024

www.liberato.ru

Аннотация

Если вы являетесь ценителем современной поэзии, и в особенности, такого ее жанра, как любовно-эротический, то, вне всяких сомнений, вы получите большое удовольствие от ознакомления со стихотворениями такого автора, как Мишанов Виталий.

При подготовке данной книги были использованы произведения, опубликованные автором на сайте современной эротической поэзии 'Эрато'.

Редакция сайта 'Эрато' желает Вам приятного путешествия по миру современной эротической поэзии.

Адрес сайта в сети интернет - <http://www.liberato.ru>

Белые чулки

Она одела белые чулки.
Я и без них её любил, но дело в теме,
В таком домашнем маленьком экстриме,
Где чуткие зовущие соски.

Она умна, а сиськи больше темы,
Вот и пытаюсь проложить траву
В свою уставшую от пьянства головУ,
С её системы.

Про тот кол

Под утро он ещё встаёт,
Здоровья бывшего на страже.
Какой-нибудь да повезёт
Измерить маленькую сажень.

И та, чей тёплый зад ли, рот
На этот кол с утра насажен,
Я думаю, ещё придёт,
И, может, не однажды даже.

Ночь на алых простынях

Ты вдохновенно стелешь алый шелк.

Ночь декабря длинна и многогранна.
Да, я пришёл.
Я наконец пришёл
К тебе, как к очагу приходит странник.

Огонь всё ярче среди смутных дней,
В обыденность мы больше не вернемся,
И паруса горящих простыней
Уносят нас к заждавшемуся солнцу.

Цвет свежей крови тайных алых губ
На простынях рассвета безвозвратен.
Мы только перед временем в долгу.
У нас не будет никогда заката.

Новый Иерусалим

Мы съездили в церковь, чтобы заранее
Отмолить еще не свершенный грех.
Наш общий Израиль в топке сознания
Почти сгорел за далью утех.

Она захотела начать его заново,
Или продолжить, и позвала.
Израиль велик, Вифлеема зарево
И бешеный секс не совсем дотла.

В машине ее поцелуй улыбчивый
И все совсем как в те времена.
Руку на пульс ей - ножки отзывчивы,

Слегка раздвинуты для меня.

Под Истрой храм голубой под золотом,
Платок на голову, строгий взгляд.
Но я-то помню ее раскованной
И улыбаюсь ей невпопад.

В пути целовались уже неистово,
Как два голодных к любви зверька.
Мы не пытались ее осмысливать,
Мы ее знали. И знали, как.

Все та же спальня. Легко, открытейше
Она повернулась. Она ждала.
Снова Израиль? Волей Всевышнего
Мы не забыли про наш Эйлат.

Она кричала, как раньше, «мамочка!»,
Я, как и раньше, почти любил
Эту красиво-умную самочку,
Которую сам к любви разбудил.

Потом говорили. Как много нового,
И много старого про любовь!
Она уютно уткнула голову
Куда-то в шею мне вместо слов.

Ее собаки, как в прошлой вечности,
Уже не лезли к нам на постель.
Синдром сбежавшей невесты действует,
Невеста, я убегу отсель,

Но только позже. Целую истинно
Ее ответчивые соски.
Я же скучал по ним, буду искренним,
Я же их помнил среди тоски.

Мы не вернемся в Израиль солнечный.
И этот Новый Иерусалим
Весьма краткосрочен и потому еще,
Что не осталось души за ним.

Она из другого мира, который мне
Даже не нужен, мой мир светлей.
Я ей добавил ноту гармонии.
И я ценю ее среди дней.

Секс как лекарство

Придвинусь ближе и поцелую,
Для нас нет лет и не будет зим.
Ты заболела? Тебя лечу я,
Лечу я к чутким губам твоим.

Уйдут депрессия и простуда,
Огонь, зажженный трением тел,
Согреет душу. Он наш, покуда
Ты так хотела, так я хотел.

Лекарство это в любое время
И дня и года излечит нас.
Любовь задумчиво-неизменна.

По попке, нежно. Всегда. Сейчас.

Эросанна

– Волосы только на голове! –
Ты сказала, красуясь.
Мы отдыхаем. Неяркий свет,
Брейком – шабли и хумус.

– Погладь мне спинку! – Изгиб бедра,
Соски напряглись красиво.
На зыбкой грани ночи-утра
Блаженство невыносимо.

– Люблю целоваться! – Эротика тел
Взрывается жарким порно,
И ты в отъявленной наготы
Так чувственна и задорна!

– Секс – мой наркотик! – И мы с тобой
К утру увеличим дозу.
Любовь принимает этой порой
Любую форму и позу.

В страсти умных прошлого нет,
И будущее туманно,
Но есть вот этот чуткий рассвет.
Он наш навсегда. Осанна!

Черная соль

Черная соль. Такая, оказывается, бывает,
Обычная, пережженная с крупной ржаной мукой.
И тот, кто этим блюда свои приправляет,
Немного лечит свой внутренний непокой.

Так и девушки. Я их употребляю,
Или они меня, или вместе друг друга мы.
Черная соль желания лечит и очищает
Наши тела и души от смуты и кутерьмы.

Я не слишком морален, но страстен, добр и отзывчив,
У женщин это зовется объемлющим словом «б...ь».
Черная соль порою рождает огонь неистовств.
Я продолжаю это снадобье употреблять.

Особое кино

О чем был фильм, я не помню.
Мы вместе сбежали от
Жары и людей под тёмный
Свой собственный небосвод.
Диванчик в углу на заднем,
Я чувствовал - ты дрожишь.
Мы просто устали за день,
За злую зиму и жизнь.
А страсть нарастала валом,
Сплетая в экстазе нас.
И фильм подходил к финалу,

Неистовый Тинто Брасс
Наверно, был режиссером
У этой ленты и дня.
Любовь, эротика, порно?
Кино про тебя и меня.

Пришла и ушла

Ну вот, почему-то опять ошибка.
Неистовый секс, голова на месте.
Я был очарован фигуркой гибкой,
Сплетающей наши шальные чресла,
И честностью, может быть, даже честью.

Пришла и ушла, но успела ранить,
Любовь уместается в три недели.
Затянется рана, оставив память
И благодарность словам, постели,
И все-таки счастьем, что мы успели.

Ночная орхидея

Она раскрывала свои лепестки
При чуде свечи сладострастно и нежно,
Ее бирюзово-лиловая свежесть
Таинственной негой ласкала виски.

Она прикасалась бутоном ко мне,

Ее аромат заводил и дурманил.
Есть запах у счастья. И он уже с нами
На этой, теперь уже вечной, весне.

Вектор жизни

Да, нужно иногда менять
Машину, женщину, работу,
И вектор, звавший было вспять,
Меня опять ведет к высотам.

Виляет, влево норовит,
Он странный, этот вектор. Часто
Изменчив. Но пока стоит.
Уверен – он направлен к счастью.

Бритый ёжик

Ночь кончилась. Она была чудесной.
Ты улыбнешься нежно и устало.
Подносик с кофе тихо я поставлю
На самое твое святое место.

Подбритый ёжик между стройных ножек
Доволен, сыт и капельку натружен.
Он был мне нужен, я ему был нужен,
Он и сейчас меня еще тревожит.

Немного кофе, просто поваляться,
Целуясь и ласкаясь ненароком.
Любовь была, и ночь была ей сроком.
Чуть позже счастье будет продолжаться.

Родинка над сердцем

Никуда не уходит. И родинку эту родную
Помнят пальцы и губы, и в том нереальном краю,
Где мы были недолго, мне вправду казалось – люблю я
Наш безудержный секс и живую улыбку твою.

Там, под родинкой – сердце. Оно, обрываясь, стучало
Или чутко ласкалось потом у меня под рукой.
В этой странной любви нет конца, середины, начала,
Есть лишь память и нежность. И ищущих душ непокой.

Голыши

Ползают по дому два голыша,
Бродят задумчиво и не спеша,
Секс уже был, кофе тоже попили,
Может, пойти затушить чахохбили?
Встретятся в доме два голыша,
Вместе под душем споют по душам,
Видимо, что-то они не успели,
Раз покатались к извечной постели,
И ничего им не будет мешать,

Страстно-улыбчивым двум голышам.

Таким вот странным и бывает счастье

Секс или дружба? Я уже привык -
У нас с тобой они неразделимы.
И существует доброй дружбы мимо
Наш общий очень чувственный язык.

Обнимемся, поделимся, уйдем
На часик, на полдня от всех напастей.
Таким вот странным и бывает счастье,
Когда весь мир без нас, а мы вдвоем.

Почти сестра

Она – почти сестра. Порой в постели
Мы больше говорим, чем чтим интимность.
В ее знакомом и открытом теле
Взаимопониманье засветилось.

Она всегда придет, всегда поможет,
Притащит пирожков и ляжет рядом.
Конечно, я ей помогаю тоже
Почти любовью, скрытой братским взглядом.

Блудливый ежик

Разомлевшая от секса,
Но ехидная подружка
Рассмеялась мелким бесом:
- Что ж тебе, любимый, нужно?

Пойла хватит, валом жрачка,
Крыша есть и дама рядом,
Под окном приткнулась тачка,
Хрена ль надо с шоколадом?

И в расслабленную спину
Очень точно воткнут ножик:
- Баб менять и ездить к сыну –
Твой удел, блудливый ежик!

Ежик выставил иголки
И отполз на край кровати.
Жизнь наскоком – вся без толку,
Может, в самом деле, хватит?

Прелюбодееяние впервые

Для них оправданье равно осуждению,
И утром нет смысла ни в том, ни в другом,
Поскольку стремление двоих к наслаждению
Уже завершилось обычным путем.

Но поиски счастья вовек неподсудны,

Чуть легче вдвоем посреди пустоты.
Увидел их Бог, одиноких и трудных,
Они перед Богом остались чисты.

Мраморное мясо

Ты угощаешь мраморным мясом.
Мясо, конечно, только пролог
К солнечной спальне, к тихому часу,
Громкому часу любви напролом.

На простынях переплавятся в мрамор
Наши кипящие страстью тела.
Толика счастья будет той самой,
Что нам судьбинушка недодала.

И обжигающим мраморным мясом
Мы наконец-то друг к другу прильнем.
Ты улыбаешься, значит, согласна.
Мясо чуть позже. Дай руку, пойдём!

Смена позы

Я гнал сто тридцать, а она решила
В пылу дороги позу поменять.
Объехала, мигнула – предложила
Пристроиться к ней сзади и догнать.

Догнал ее не раз. И бампер в бампер
Мы ехали с ней долго и легко.
Припарковались вместе. Навигатор
Подсказывает – едем далеко.

Верблюжонок

Путешествие по краю мечты
Завело нас в Ааронову ширь.
...Он был маленький и нежный, как ты,
Верблюжонок в Аравийской глуши.

Он кричал и громко мамочку звал,
Как кричала ты со мной в ночь и грех...
...Вдруг он привязь оборвал и сбежал,
Как сбежали мы с тобой ото всех.

Молчаливый иорданец-старик
Нам верблюжьего принес молока.
Оно пахло – показалось на миг-
Как твои два очень чутких соска.

Может чудом удивлять до сих пор
Неожиданно-прекрасная жизнь.
И невесты бедуинской убор
Аравиец на тебя возложил.

...А верблюдик сразу к мамке припал,
Успокоился, зачмокал. Он жил,
Он был счастлив, он нашел, что искал.

Как и мы, припав друг к другу в глуши.

К утру, когда вместе кончим...

К утру, когда вместе кончим
Раздумывать над судьбой,
Я буду тупой, беспечный,
Усталый, нежный и злой.

Бельем это все. И лажу
Пока не предотвратишь,
Я просто тебя поглажу,
Малышка, ты спишь? Ты спишь.

Обнаженная натура, или Сексуальное пиво в субботу

Пиво кончилось. Солнце взошло, осветив
Мой привал на захламленном млечном пути,
И уснувшую женщину лет тридцати,
Что зачем-то со мной согласилась пойти.

Обнаженная плоть, устремленная ввысь,
Приоткрытые губы и шепот: - Проснись...
И тоска тонкой струйкой по белому – вниз,
Для чего мне все это – пойди, разберись.

Нервы обнажены и открыты сердца
И распахнуты окна чужого лица.

В путь, художница! Силой и волей Творца
Этой странной дороге не будет конца.

Постельный вариант

Я позвонил, позвал. Она обиделась,
И телефон молчит вторые сутки.
Не может, очень жаль. Проблемы, видимо,
И времени, конечно, ни минутки.

Постельный вариант! Определение
Сама подобрала, и очень точно.
Совокупления, как искупления
Я с ней всегда хочу, и днем, и ночью.

Да, звал в постель. С бельем отбросив ханжество,
Треть жизни в ней и счастья половина.
Когда я в ней один, весь мир мне кажется
Бессмысленным, бесстрастным и пустынным.

Постель – не цель. Она, скорее, зеркало.
Как на ладони и тела, и души,
И в перерывах между фейерверками
Кощунством будет искренность разрушить.

Постельный вариант! Какие трудности,
Чтоб то творить, что нам обоим нужно?
Уже давненько я ушел из юности,
Где о любви кричат ежеминутно.

Куплю цветов, сорвусь. Сломает действие
Быстрее любых звонков обиды стену.
Потом приедет, никуда не денется.
И я, Бог видит, никуда не денусь.

Антуриум

Я подарил тебе антуриум,
Цветок открыто-эротичный.
Своей фаллической фигурой
О нашем сокровенно-личном
Напомнит он, когда уже меня
С тобой давно не будет рядом.
Цветы любви сильнее времени.
При входе слева. Расскажи, как там он?

Под утро я крещу тебя губами

Мы вместе на Земле Обетованной.
Бог есть любовь. Богами и рабами
Мы у любви возвышенной и странной.
Под утро я крещу тебя губами.

Сначала губы. Вниз, в святую грешность,
Чуть позже - груди, полные желанья.
И остаются запах, вкус и нежность
На целый день. И навсегда, до края.

Конечно, это счастье быстротечно.
Любовь есть Бог, и в Иерусалиме
Останется наш Бог уже навечно,
Когда мы будем вдалеке другими.

Первая Израильская ночь

Это больше, чем секс. Это словно взрывное слиянье
Чутких душ, облеченных в горящую плоть.
Назначением небес или грешной любви начертаньем
На священной земле стать влюбленными нам довелось.

Не уйти мне от глаз и отзывчиво-страстного тела,
До которых я долго и как-то несправедливо шел.
В Вифлеемской ночи на рассвете звезда загорелась.
Мы возвышенно-счастливы. Путь наш почти предreshен.

За гранью

Целую я благодарно
Соски нежнейшей груди.
Но ты еще где-то за гранью,
«Подожди, дай отойти...»

Ты страстно кричишь и плачешь,
И умираешь почти.
Распахнуты ножки настезь,
Я снова хочу войти,

Срок расставанья известен,
И общего нет пути,
Но этой ночью мы вместе,
Не дам тебе отойти.

...Мне долго будет светить -
«Подожди, дай отойти...»

Почти конец игры

Почти конец игры.
Тот самый тяжкий случай,
Когда любовь с двумя играла в поддавки.
Отныне только секс,
Великий и могучий,
И то – до той поры, пока слышны звонки.

А впрочем, что еще
Мне нужно в этом мире?
За жабры, за рога, за яйца жизнь схватив,
Рулю в ночи туда, где распахнутся шире
И ноги, и глаза, и нет назад пути.

Почти конец игры, и время расставаться,
Заря зальет следы на смятой простыне,
Телам не расплестись, губам не оторваться,
Беги,
Скачи,
Ползи,
Лети,

Иди ко мне.

Примечания

Все исключительные авторские права на произведение/я, опубликованные в данном электронном издании, принадлежат их автору и охраняются действующим законодательством об авторских правах.

Все произведения, опубликованные в данной книге, размещены на сайте современной эротической поэзии "Эрато", который находится по адресу: www.liberato.ru. В свою очередь, произведения, размещенные на сайте, опубликованы на нем с согласия их автора.

Данное электронная книга была подготовлена и создана с единственной целью, которая заключается в поддержке чувственного жанра современной русской эротической поэзии.

При подготовке первой страницы обложки книги использована картина "Жара", художник Теодор Ван Рейссельберге.